

Отзывы о романе «Серебряный воробей»

«История любви... Полная ошеломительной мудрости, сердечной боли и робкой надежды».

Журнал Опы Уинфри «О»

«Джонс раскрывает читателю множество тайн: о подростках, о классовых различиях чернокожего населения Атланты, о том, как мужчины хранят секреты, а женщины их выдают, и о том, почему люди сохраняют отношения, даже если это идет вразрез с их интересами».

Газета Washington City Paper

«Третий роман Тайари Джонс, “Серебряный воробей”, дает нам карту для исследования неизведанных прежде эмоций. В этой книге взросление девочки омрачается зарождающейся догадкой о разрушительной тайне, которую скрывает отец».

Журнал Vogue

«Джонс не дает готовых ответов, и в этом секрет соуса, придающего остроту роману. Ее проза читается на одном дыхании, так что можно даже упустить самую суть истории. Автор проливает свет на жизнь ущемленной группы людей: детей, выросших в неофициальных семьях».

Газета The Denver Post

«Захватывающая книга от первой до последней страницы».

Газета Chicago Tribune

«Тайари Джонс выбрала в качестве места действия Атланту и благодаря глубокой наблюдательности дает читателю прочувствовать атмосферу этого города. Но это не все. Своими экскурсоводами по этой части страны Джонс сделала главных героинь: честных, травмированных и притягательных девушек, к чьим голосам невозможно не прислушаться... Вы не сможете отложить книгу, пока не прочитаете, как эти две девушки выяснят для себя, что такое семья».

Газета Los Angeles Times

«Изящная и блестящая книга о поиске истины».

Library Journal

«Новый роман Тайари Джонс доставляет колоссальное удовольствие. Тонко и искусно изучая силу навешенных обществом ярлыков, она пишет трогательную историю о том, на какие жертвы мы идем для создания семьи. В этой провокационной и вызывающей сочувствие истории нет победителей, есть только люди, прошедшие серьезное испытание».

Женский журнал MORE

«Изящный стиль и внимательное отношение к деталям всегда были характерны для творчества Джонс, но в этом романе она нашла собственный, пронзительный и уникальный голос, и в ее руках воробей внезапно превращается в певчую птицу, стрелой взмывающую ввысь».

Перл Клидж, писатель

«В этом захватывающем романе старой школы автор изучает классовые и гендерные проблемы, тему дружбы и глубокое влияние родителей на детей и верности — на любовь».

Журнал о культуре Pasatiempo

«Прекрасно написанный роман, настоящий прорыв в литературе».

Газета The Durango Herald

«Если бы эта книга могла говорить, ее голос был бы тихий, дрожащий, на грани слез... Она похожа на обеих рассказчиц, Дану и Шоррис, каждая из которых считает себя обыкновенной и не заслуживающей особого внимания. Каждая завидует тем, кого в книге называют "серебряными": блестящим, красивым, популярным в обществе людям. Каждая смотрит на свой мир спокойным и честным взглядом».

Журнал Paste

«У Джонс есть особый дар создавать образы и погружать читателя в самое сердце хаотичной и бурлящей жизни подростков».

Ресурс ForeWord Reviews

*Посвящается моим родителям,
Барбаре и Маку Джонсу, которые,
насколько мне известно,
не имеют других супругов*

Дочь — это колония

потомство, территория,
 вылитая копия,
явившаяся, как Афина,

 из головы отца:
яблочко от яблони,
 чадо и отродье,

тезка, гадательная кость, —
 верноподданная и предательница,
родная, иная,

 предмет и исследование,
история, полукровка,
 континент — темный и странный.

НАТАША ТРЕТЬЮИ

ЧАСТЬ I

Дана Ленн Ярборо

1

Секрет

Мой отец, Джеймс Уизерспун, — двоеженец. Он был женат уже десять лет, когда впервые впился взглядом в мою маму. В 1968 году она упаковывала подарки в оберточную бумагу в магазине «Дэвидсонс» в центре города. Отец попросил ее упаковать разделочный нож, купленный жене на годовщину свадьбы. Мама однажды сказала мне, что почувствовала: раз мужчина дарит женщине нож, в их отношениях наверняка что-то не так. Я ответила: «Может, это значит, что они друг другу полностью доверяют». Я люблю маму, но часто наши взгляды разнятся. Суть в том, что брак Джеймса никогда не был для нас тайной. Я называю отца по имени. Его другая дочь, Шорисс, которая выросла в его доме, даже сейчас использует слово «папочка».

Большинство людей, размышляя о двоеженстве (если они вообще об этом думают), воображают какие-нибудь

примитивные обычаи, о которых читаешь на страницах журнала *National Geographic*. В Атланте, как многие помнят, раньше была секта, пропагандировавшая возвращение к африканским корням. Немало ее приверженцев держали пекарни в западной части города. Кто-то говорил, что это культ, а кто-то называл культурным течением. Как бы то ни было, каждому мужчине разрешалось иметь четырех жен. Пекарни давно закрылись, но иногда этих женщин все еще можно увидеть: в ослепительно-белых одеждах они кротко идут, на шесть шагов отставая от общего мужа. Даже в баптистских церквях помощники держат наготове нюхательные соли на случай, если новоиспеченная вдова на похоронах столкнется с другой скорбящей вдовой и ее разновозрастными детьми. Сотрудники похоронных бюро и судьи знают: двоеженство встречается на каждом шагу, и это удел не только сектантов, коммивояжеров или красивых социопатов, которым доверились отчаявшиеся женщины.

Обидно, что для статуса моей мамы, Гвендолен, нет подходящего определения. Джеймс — двоеженец. Тут все очевидно. Лаверн — его жена. Она первой его нашла, а мама всегда уважала права женщины, первой за столбившей мужчину. Но можно ли и маму называть его женой? У нее есть официальные документы и даже единственный снимок-полароид, доказывающий, что они с Джеймсом Александром Уизерспуном-младшим зарегистрировали брак в присутствии судьи в городке у самой границы штата Алабама. Но если назвать маму его «женой», это не поможет по-настоящему объяснить всей сложности положения.

Я знаю, есть и другие слова, и, когда мама выпивает, злится или грустит, она применяет их к себе: любовни-

ца, шлюха, сожительница. Подобных вариантов много, и ни один не будет справедливым. А людей вроде меня, детей таких женщин, тоже можно назвать разными гадкими словами, но их запрещено произносить в стенах нашего дома. «Ты его дочь. И точка». Если это когда-то и было правдой, то только на протяжении первых четырех месяцев моей жизни, до того, как родилась Шорисс, законная дочь. Мама выругалась бы, если бы услышала из моих уст слово «законная». Но произнеси я другое, которое засело в мозгу, она закрылась бы в спальне и зарыдалась. В моем понимании Шорисс — его *настоящая* дочь. Когда дело касается жен, во внимание берется лишь тот факт, какая из них первой окольцевала мужчину. С дочерьми ситуация немного сложнее.

Важно, как и что ты называешь. Мама использовала фразу «вести наблюдение». Если бы Джеймс знал, чем мы занимаемся, то сказал бы, что мы «шпионим», но это слишком негативно. Когда мы шли по пятам за Шорисс и Лаверн, следя, как беззаботно им живется, мы никому не причиняли вреда, кроме самих себя. Я всегда воображала, что в конце концов нас попросят объяснить, сказать что-то в свое оправдание. Тогда маму вызовут, и она будет говорить за нас обеих. У нее есть дар слова, и она умеет так представить сложные подробности, что в итоге история выходит гладкой, словно поверхность озера. Она — фокусница, которая может сделать так, что весь мир покажется головокружительной иллюзией. А правда — это монетка, и ее мама вытащит у тебя из-за уха.

Возможно, детство у меня было не особенно радостным, но разве хоть у кого-то оно прошло идеально? До-

пустим, папа и мама женаты только друг на друге и счастливы в браке, — даже тогда ребенку выпадает своя доля несчастий. Такие люди много времени тратят, носясь со старыми обидами, раз за разом вспоминая о былых ссорах. Так что у меня есть кое-что общее со всеми остальными людьми.

Мама не испортила мне детство и не разрушила чужой брак. Она хороший человек и подготовила меня. Видите ли, в жизни главное — знать правду. Поэтому нас двоих не стоит жалеть. Да, мы страдали, но в самом главном всегда обладали несомненным преимуществом, особым преимуществом: я была в курсе существования Шорисс, а она ничего не знала обо мне. Моя мама знала о Лаверн, а Лаверн считала, что живет совершенно непримечательной жизнью. Мы никогда не забывали об этом простом и настолько важном факте.

Когда я впервые обнаружила, что, хотя в семье я единственный ребенок, мой отец — не только *мой*? Не могу точно сказать. Я знала это с тех пор, как поняла, что у меня вообще есть отец. Зато точно знаю одно: выяснить, что у тебя папа двойного назначения, — это необычное явление.

Мне было лет пять, и на занятиях по рисованию в школе учительница, мисс Расселл, попросила всех нарисовать семью. Другие ребята каляли восковыми мелками или карандашами с мягкими грифелями. А я взяла синюю шариковую ручку и нарисовала Джеймса, Шорисс и Лаверн. На заднем плане был Роли, лучший друг отца, единственный человек из другой жизни Джеймса, с кем мы были знакомы. Я раскрасила его мелком, на котором было написано «телесный», потому что кожа

у Роли очень светлая. Это было много лет назад, но я все помню. Еще добавила на шею жены ожерелье. Девочке — широкий улыбающийся рот, полный квадратных зубов. Возле левого края листа, в сторонке, изобразила себя и маму. Фломастером я создала маме длинные волосы и закрученные ресницы. А себе только большие глаза. Над всеми шестерыми подмигивало дружелюбное солнце.

Учительница подошла сзади.

— И кого же ты так красиво нарисовала?

Очарованная похвалой, я улыбнулась.

— Свою семью. Папу, его двух жен и двух дочек.

Слегка наклонив голову, учительница хмыкнула:

— Вот как.

Я об этом больше не задумывалась и наслаждалась тем, как она произнесла «красиво». Даже сейчас, когда кто-то говорит мне это слово, я чувствую себя любимой. В конце месяца я принесла все рисунки домой в картонной папке. Джеймс раскрыл бумажник, который всегда был туго набит двухдолларовыми банкнотами, чтобы вознаградить меня за работу на уроках. Я приберегла семейный портрет (свой шедевр) напоследок, ведь он же так красиво нарисован, и все такое.

Отец взял листок со стола и поднес близко к лицу, будто ища зашифрованное послание. Мама встала позади меня, обняла, скрестив руки у меня на груди, наклонилась и поцеловала в макушку.

— Все нормально, — заверила она.

— Ты рассказала учительнице, кто на этой картинке? — спросил Джеймс.

Я медленно кивнула. Мне показалось, что лучше было соврать, хотя не совсем понятно почему.

